

Сочинения по произведениям Зюскинд П.

Парфюмер

1. П.Зюскинд." Парфюмер". Рецензия
2. Кто такой Парфюмер? (по роману Патрика Зюскинда "Парфюмер")

П.Зюскинд." Парфюмер". Рецензия

“Читательское потрясение, какое редко приходится пережить, феноменальный замысел” (Svenska Dagbladet, Стокгольм). Замысел и впрямь не рядовой. Немного найдется литературных произведений, в основе которых лежит одно из способностей человека воспринимать мир.

О выдающейся памяти вспомним рассказ Х.Л.Борхеса “Фунес, чудо памяти”. И все? А

ведь были люди, обладавшие неограниченной (эйдетической) памятью – например Шерешевский (он запоминал любую книгу целиком после первого прочтения, включая то, на каком слоге был сделан перенос на любую следующую по номеру страницу). Лурье вживе наблюдал его почти 30 лет и написал об этом интереснейшее обширное исследование (единственное в истории мировой психологии). Эйдетиками были Фемистокл – он знал наперечет всех жителей Афин, а когда его попросили научить запоминать, он сказал – если бы меня кто –нибудь научил забывать..., Наполеон (он знал поименно всех солдат своей старой гвардии и помнил, какая у каждого семья), Гитлер наизусть знал военно – морской справочник кораблей мира, прочитав его за одну ночь. Феноменальная (но не эйдетическая) память была у А.Ахматовой (она знала наизусть всего Евгения Онегина), Семена Липкина (он также наизусть знал всю русскую поэзию начиная с Хераскова). Реальные люди, и всего один рассказ?

Тем интереснее замысел П.Зюскинда – ведь его повесть построена вокруг запаха. А могли вживе существовать Гринуэй?

Анатомическое строение органов собаки таково, что она может издавать только простые звуки. Подобно этому в мире запахов по сравнению с ней нем человек по причине слишком малого количества у него соответствующих рецепторов. Это имеет следствием то, что на сознательном уровне люди мало восприимчивы к запахам, особенно мужчины. Правда именно среди последних встречаются очень чувствительные, но вовсе не такие, как Гринуэй и собаки. Это композиторы, составляющие, как и Гринуэй, духи и одеколоны. Среди них была в виде исключения и женщина, правда ее звали Коко Шанель.

На бессознательном же уровне чувствительность к запахам у всех людей значительно выше и именно они в первую очередь сигнализируют, подходят ли партнеры друг другу в сексуальном отношении. Но это никем не осознается .

Итак, П.Зюскинд в своей повести преднамеренно описал “то, чего нет”, как говорил благородный гуингм, хозяин Гулливера в одном из его путешествий.

Однако достойны восхищения яркость и убедительность, с которыми П.Зюскинд описал вонь Парижа (не забудем, что для француза самый восхитительный запах – это запах невымытого женского тела) и запахи его парфюмерных лавок. Убедительны описания способов приготовления духов и вообще вся вымышленная атмосфера старого города.

Он большой мастер, а осознавать, что он к тому же писатель современный, очень приятно.

Чтение повести захватывает с первых строк. Но понемногу читатель начинает испытывать все возрастающее чувство ожидания чего – то большего, чем то, что содержится в тексте. Это “что – то большее” и делает любой рассказ, повесть или роман настоящей литературой.

Для чего автор сочинил такой яркий текст, “сотканный из блестящих и пылких натяжек” (Венедикт Ерофеев)?.. Что хотел сказать П.Зюскинд этой замечательной повестью? О чем? О власти как самоцели? О могущественном влиянии запаха на человека? (Все же не настолько, как это описано в повести!) Вряд ли можно согласиться и с мнением тех, кто хотел бы за автора вложить в текст не содержащийся там смысл (их можно понять, текст – то очень привлекательный!). Но настоящая литература в этом не нуждается. Для примера вспомним повесть Дафны дю Мурье “Птицы” и замечательный фильм А.Хичкока. Там изображено тоже “то, чего не было”, но за этим стоит метафора, не нуждающаяся в читательском снисхождении.

Однако вернемся к П.Зюскинду. Довольно связное течение рассказа вдруг прерывается фантастической сценой несостоявшейся казни Гринуэя, сценой, резко выбивающейся из контекста – она не находит уравнивания ни в метафорическом, ни в символическом смысле повести. Похоже, автор не знает, как и чем закончить рассказ. Вдруг Гринуэй обнаруживает в себе желание “умереть в Париже” – почему? Совсем нелогично, если учесть так ярко описанную человекобезразличность Гринуэя.

Кто такой Парфюмер? (по роману Патрика Зюскинда "Парфюмер")

Как ни странно, каждый из нас – маленький Гренуй. То в нем, что наиболее соответствует нашим личным представлениям о красоте, счастье, успехе и самоутверждении, и вызывает ощущение сопереживания, в каком-то смысле тяги к главному герою детективного романа Зюскинда, как бы ни казалась ужасающей для кого-то его жизнь и его решения, как бы ни была недопустима и жутковата для кого-то

мысль о подобном сходстве. Во время чтения мы лелеем надежду, пропитываемся любопытством, жадной осуществлению ненасытного читательского желания пережить вместе с героем острые моменты славы, счастья, любви, достижения целей, чтобы какое-то время жить книжной реальностью, ощущать те чувства и переживать те события, которых в нашей реальной жизни нет, которых почему-то не хватает, которые по каким-то причинам случаются в реальности очень редко. Мы алчем зрелищ собственного воображения, и писатель возрождает их для нас. Получив желанное, мы пожираем их.

Что же предложил нам Патрик Зюскинд в качестве очередной пищи? «Парфюмера». Парфюмера. Гренуя, приправленного его странной судьбой.

В романе Зюскинд уловил нюансы, суть и причины возникновения человеческих стремлений, строительство линии судьбы, прочувствовал свободу от излишних посягательств на частную душевную жизнь. Гренуй предстает передо мной человеком (именно человеком, а не мерзким существом-убийцей), который вполне имел право на существование, на радости и печали, на выбор жизненного кредо, как и каждый из нас. Получилось так, что он не поступился человеческими жизнями, возненавидел людей и тем самым пробудил чуть ли не самую глубинную, самую потаённую и схороненную в самом тёмном и недоступном уголке сторону внутренней жизни человека. Роман-детектив как будто воскрешает каннибалистические традиции прошлых веков, напоминая нам, людям, живущим в цивилизации 21 века, о том, какова наша природа, каковы наши корни, идущие с древне-архаических времён.

Каждый ощущает самого себя, каждый воспринимает мир сквозь себя, каждый всегда присутствует рядом с собой, тем самым любя людей, в которых любит себя, любя мир, в котором находит себя, любя результаты собственного труда как часть самого себя. Гренуй был лишён любви к людям, потому что видел и понимал, что они обладали тем, что ему было несвойственно и недоступно. И эту частичку Гренуя мы можем найти в себе, если злимся на другого за то, что в нем есть что-то нам несвойственное; в тот момент, когда мы в одиночестве чувствуем прилив счастья, что наконец-то можем заняться любимыми делами без помех и вмешательств других. Эта общность проявляется тогда, когда мы завидуем тем, кто имеет счастье обладать недоступными нам радостями. Мы испытываем такую же гордость за самих себя, когда нам удается путём длительных стараний почувствовать себя выше других, — богаче, сильнее, умнее, престижнее, независимее. Пусть даже за счет других. В контексте общественной этики

подобное обузданное государством и властью явление обычно называют «человеческими слабостями», а в религиозном контексте — «грехами».

То есть чем-то с негативной окраской. Причина всему этому – человеческая природа. Природа дикаря-каннибала, хитрого хищника, хоть и пользующегося карманными компьютерами (как когда-то ножами и топорами), ходящего на каблуках по гладко вымощенной улице, расцвеченной красочной иллюминацией, играющего в игру «Я самый развитый (культурный, сильный и т.п.)», но в глубине своего нутра остающегося полным тех же сексуальных стремлений, тех же базовых инстинктов выживания и удовлетворения своих потребностей, полным тех же защитных реакций, что и их далёкие предки. Здесь природа неизменна или меняется очень медленно. Это еще раз подтвердил Зюскинд, развернув сцену подготовки к казни и превратив ее в вакханалию, обнажив перед читателем оргиастическую и каннибалистическую сцены, чему метким выстрелом присвоил название «любовь».

Те лица, которые всячески стараются похоронить таковую природу (в себе и в других) по причине её несовместимости с их морально-этическими и религиозными представлениями, в данном случае окажутся тем самым на месте обманутых, введённых в заблуждение запахом Гренуя одержимых лиц, которые после оргии делают вид, что этого никогда не было. Любой намёк в эту сторону встречает у них буйный отпор. Делают ли они это в целях защиты своих противоречивых теорий, очередного подтверждения правоты того, во что они верят, или не представляя, что мир может быть устроен несколько иначе, чем им кажется – в любом случае, такие особы необъективны. Но таковых множество.

Почему-то именно этот заморыш-клещ Гренуй сумел удержаться в жизненном пространстве лучше всех, именно он успел реализовать себя на 200% и умер тогда, когда сам того пожелал.

Что может быть живучее, что может быть более близко к самой жизни, как не её суть?